

В Переделкино жизнь всё дороже,
И куда же на будущий год
Я поеду? Здесь добрые дрожжи,
Хлеб духовный на коих растёт.

Здесь намоленность русского слова,
Сколько здесь написал я стихов!
Даже Кожинов, критик суровый,
Пил вино вот из этих мехов.

Все друзья позабыли поэта
Из далёкой Самары, вот так,
Но под знаком Господнего лета
Проживём, проскрипим как-никак.

И старинная церковь Господня
Как защитник и помощь была...
Что-то я размягчился сегодня,
Не приеду — ну, что за дела.

Только жаль, что не выполню долга,
Но осилить придётся тоску.
И со мною останется Волга,
Поброжу вдоль воды по песку.

НИКТО НЕ УМИРАЛ

Никто не умирал — ни Кожинов великий,
Ведь если б было так, то вслед бы умер я.
И в темноте ночной вдруг проступают лики —
Завистники, враги, но в большинстве — друзья.

Никто не умирал, и Николай Старшинов
На озере в глуши закидывает снасть.
Рыбачит вместе с ним Касмынин Гена, вынув
Большого судака, намаившись с ним всласть.

Никто не умирал — не умирали жёны,
И ходит на погост не я, а тень моя,
И пусть не говорят, что холостяк прожжённый
Навеки я теперь — и жёны, и друзья

Живут вокруг меня; мы все — семья большая,
Мы ссоримся порой и вместе пьём вино,
И в горе, и в беде друг друга утешая,
Живём себе, творим... хоть умерли давно.

Я умер, и душа скорбящая пустынна,
Я жив, и вот стихи пишу об этом, что
Никто не умирал — столь неуклюже, длинно —
И всё-таки пишу. Не умирал никто!

* * *

Мне приснилось, что рядом со мной
Спит любимая, пульс её чую,
Но проснулся, а пульс этот — мой,
Так вот в старческом сне я кочую.

Вдруг почудятся мне за окном
Соловьиные чудные трели,
Но очнусь я, и мысль об одном:
И любимые ведь постарели.

Хорошо, что хоть снами живу,
Словно старую книгу листаю...
Я открою окно, в синеву
Провожу голубиную стаю.

Я ПЕЧАЛЬНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Я печальник русской земли,
Ненавистно мне слово “Рашка”.
Экономика на мели,
И народу живётся тяжко.

Миллионам русских Емель
Невтерпёж возлегать на печке
При упадке тучных земель,
Среди коих мутнеют речки.

Во Иисуса верю Христа,
Так наказано нам с тобою,

И земли моей красота —
Под воздушной Его стопою.

И земли моей красота —
За неё принимаем битву.
Что-то шепчут твои уста...
Покаянную ли молитву?

Или это стихи мои
Так глубоко в сердце запали,
И лягушки, и соловьи
Скоро будут в большом запале.

Потому что весна вдали
Всем живущим даёт отмашку.
Я печальник русской земли,
Но с рубашкою нараспашку.

Перемелется, переживём,
Хоть и роют враги могилу,
Закопать нас хотят живьём,
Только чуют русскую силу.

И печалюсь я оттого,
Что “родные” прохвосты наши
Отвергают с Русью родство,
Им не пьётся из русской чаши.

Мы для них — лишь рабочий скот,
И не важно, что нас — миллионы,
И великий русский народ —
Как проклятье “пятой колонны”.

За Москву сказать не берусь,
Там разжечь им хочется пламя,
А в глубинке святая Русь
Тихо светится куполами.

Русь святая жива, жива,
И печаль не в ладах с тоскою.
Соколиная синева,
Неприступное дно морское.

МАЙ

Май, как водится, месяц капризный,
Нынче солнце, а завтра — не жди.
Но не надо к нему с укоризной
Подходить — он дарил нам дожди.

Омывала небесная влага
Наши лица, но главное в том,
Что земле он пришёлся во благо,
Напоил её пласт за пластом.

Напоил — только этого мало.
В конце месяца надо дождя.
Мало в губы меня целовала,
И ни слова любви, уходя.

Я один в этом взбалмошном мае
Среди ветра и мокрой листвы.
Что наступит июнь — понимаю,
Мудрой надо ли тут головы.

Градус к градусу Волга теплеет,
Значит, скоро откроется пляж.
Что ушла ты — ничуть не жалею,
Что же плачет, скорбит карандаш?

Вывожу им скрипучие строки,
Рвёт бумагу его остриё.
Ах, наступят ли новые сроки,
Чтобы чувствовать тело твоё...